

ФИЛОСОФСКО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА
ПРИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ

ЦЕНТР ПО ИЗУЧЕНИЮ ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ
ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО БУДДИЗМА МАХАЯНЫ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОБЩЕСТВО
«ФО ГУАН» (СВЕТ БУДДЫ)

БУДДИЗМ В ПЕРЕВОДАХ

АЛЬМАНАХ

Выпуск 2

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

„АНДРЕЕВ И СЫНОВЬЯ“

1993

В а н Я н ь

«ВЕСТИ ИЗ ПОТУСТОРОННЕГО МИРА»

(Сборник буддийских коротких рассказов V в.)

Настоящая публикация продолжает знакомить читателя с китайской литературой буддийского короткого рассказа — «сяошо». В предыдущем выпуске альманаха вниманию читателя предлагались переводы фрагментов двух памятников — «Подлинные события» и «Достопамятные происшествия». Переводу были предпосланы общие сведения о литературе буддийского короткого рассказа, в том числе и о сборнике Ван Яня «Вести из потустороннего мира» («Мин сян цзи»)¹. Ограничимся несколькими дополнительными замечаниями по содержанию памятника.

В сборнике Ван Яня (ок. 450 — ок. 500) представлены все основные типы сюжетов буддийских «сяошо», включая хождения в загробный мир, моления бодхисаттве Гуаньшииню-Авалокитешваре, сюжеты, посвященные вотивным предметам (статуям, мощам-шарира, сутрам и т. д.), а также жития. Сюжеты сборника проникнуты искренней верой во всемогущество буддийских божеств, призваны укрепить в вере почитателей Будды, утешить тех, «кто Будду не почитает». «Вести из потустороннего мира» запечатлевают дух простонародного, «низового» китайского буддизма, а автор-составитель напоминает нам современного фольклориста, опубликовавшего материалы своих полевых исследований, но с той существенной разницей, что этот фольклорист безусловно верит в подлинность изложенного и полагает свой литературный труд религиозной заслугой.

Перевод избранных сюжетов из сборника Ван Яня выполнен по изданию: Лу Синь. Извлечения из старинной

¹ «Подлинные события» и «Достопамятные происшествия» (Сборники буддийских коротких рассказов «сяошо»). — Буддизм в переводах. Альманах. Вып. 1. — СПб, 1992. С. 243—266.

прозы (Гу сяошо гоучэнь), Пекин, 1953; в круглых скобках даются европейские соответствия китайским датам и краткие пояснения переводчика.

Предисловие

Еще ребенком я был в Цзяочжи (Северный Вьетнам). В тех землях жил закононаставник, высокоправедный и добродетельный монах Сянь. От него я принял Пять обетов (обеты буддийского мирянина: не убий, не укради, не прелюбодействуй, не лги, не употребляй вина). Среди преподнесенных ему даров была бронзовая статуя Гуаньшииня-Авалокитешвары (бодхисаттва Милосердия). Статуя отличалась от тех, что изготавливают ныне, но и не была очень древней: так, примерно, годов под девизом правления Юаньцзя (424—453). Она была отлита и обработана особым способом, что придавало ей изысканную прелесть.

Я вернулся в столицу и все юные годы вместе с двумя младшими братьями с тщанием предавался вере, соблюдая себя в чистоте. Потом затеяли подновить наш пришедший в ветхость дом, и у меня не стало пристанища. Я на время перебрался в столичный монастырь Наньцзяньсы.

В ту пору всем миром принялись отливать монеты, а кое-кто воровал буддийские статуи и лил монеты из них. В монастыре несколько месяцев хранились статуи. Однажды днем я вздремнул и во сне увидел, что со статуями, установленными в храме, происходит что-то неладное. День уже был на исходе, когда я стремглав помчался в монастырь во всем удостовериться. Оказалось, что под вечер из монастыря Наньцзяньсы были выкрадены десять статуй. Блеск статуй еще долго отражался в сумерках. Фигуры высотой в три с лишним *чи* (1 *чи* — 0,32 м) были видны ясно и отчетливо: их силуэты переливались золотым блеском, слепившим глаза. Все это видели воочию мои старшие и младшие братья, а также с десятков слуг. Но я был тогда совсем юн и не сделал записей. Теперь же, когда я собрался поместить это событие среди прочих, то месяц и день, в котором оно произошло, оказались утерянными. Доподлинно, что было это осенью седьмого года правления династии Сун (420—479) под девизом Да-мин (463).

В последнем году под девизом правления Тай-ши (471) я переселился в квартал Черных Одежд и принимал у себя монаха, который уверял, что пропавшие статуи находятся на хранении в монастыре Добаосы. Я на время отправился в Цзянду, а монах продолжил путь в Цзинчу. Почти десять лет я был в неведении относительно того, где находятся ста-

туи, и стал опасаться, что божественная драгоценность утеряна окончательно.

В последнем году правления династии Сун под девизом Шэн-мин (478) я плыл среди ущелий в верховьях Янцзы. Мой путь пролегал через Цзянлин, и здесь я вновь повстречал того шрамана, которому было известно местонахождение статуй.

В том же году я вернулся в столицу и наведалься в монастырь Добаосы. Настоятель монастыря, досточтимый Ай, сказал, что таких статуй у него нет. Я вернулся домой и стал думать, что монах меня провел и статуи не вернуть. Меня охватила глубокая печаль. В ту же ночь мне явился человек во сне и сказал:

— Статуи в монастыре Добаосы. Досточтимый Ай забыл о них. Ты должен взять их себе!

Человек привел меня в монастырь. Мы открыли монастырскую залу и в ее восточной части увидели статуи. В окружении множества статуэток они предстали взору ясно и отчетливо. Наутро я отправился в монастырь и рассказал досточтимому Аю все, что видел во сне. Тогда досточтимый Ай отворил двери в залу, и я, как и раньше во сне, увидел в ее восточной части статуи. Я взял их с собой. Было это в тринадцатый день седьмого месяца первого года под девизом правления Цзянь-юань (479).

Статуи эти у меня под присмотром и будут служить вечным напоминанием о происшедшем. Я возвращаюсь к тем событиям, и у меня появляется страстное желание приобщить к этому свидетельству другие записи. Ибо статуи — воистину совершенный образец изъявления наших чувств. А если они еще и являют добрые знамения, то радость множится. Сутры гласят: «Статуи, отлитые из бронзы и вырезанные из дерева, начертанные лики — все суть священный образ. Они могут двигаться и излучать свет».

Ныне в западных краях есть статуи Шакьямуни и Майтрейи, блистающие в темноте и истинноликие. Подобные статуи есть и в Китае. Они постоянно являют свою божественную суть, и некоторым из тех, кто рожден среди людей, дана способность ощутить ее. Изготовленные из дерева и камня с тем, чтобы явить нам тайное, они запечатлевают сокровытый от нас образ, но передают его таким, каков он есть. Поэтому тяжелые каменные изваяния не тонут в воде, а люди в землях Минь и Учжун обращаются в веру. Поэтому обычная бронза источает влагу, рассеивая беды Пэн Суна. Примеров такого рода — великое множество. И хотя трудно объять их все до единого, приведем большую часть из них, опираясь на свидетельства очевидцев.

Переписка сутр и возведение ступ — превосходная религиозная заслуга. Но таково же и мое намерение. Истории сходного содержания будут приведены мною в кратком пересказе.

Сон императора Мин-ди

Императору Мин-ди (58—75) во сне явилось божество ростом в два *чжана* (1 чжан — 3,3 м), само из золота, а от головы исходят солнечные лучи. Расспросили сановников, и их ответ был таков:

— На Западе есть божество, нареченное Буддой. Обличьем оно напоминает того, кто явился Вашему Величеству во сне. Не был ли это сам Будда?!

Тогда снарядили посольство в Индию, и на обратном пути в Китай были доставлены сутры и статуи. Сын Неба и удельные властители преклонились перед ними. Они услышали, что со смертью ничто не исчезает, и убоялись своих прежних прегрешений. Посланник Цай Ань и прибывший с ним из западных краев шрамана (монах) Кашьяпа Матанга поднесли в дар императору изображения царя Ашоки (правитель индийской династии Маурьев, правившей в 317—180 гг. до н. э.) и статую Будды Шакьямуни, в котором император узнал божество, виденное во сне. Мастерам-живописцам и ваятелям было поручено сделать с них копии, которые затем поместили в башню Цинлянтай Южного дворца и в гробницу Сяньцишоулин, что у врат Гаоянмэнь. А также расписали стены монастыря Баймасы тысячью колесницами и десятком тысяч всадников. Вокруг ступы в три ряда поместили статуи Будды. Так об этом сообщают многие записи.

Пропавшее колечко

Уроженец Тайшань сановник Ян Ю был мудрым министром при династии Западная Цзинь (265—316); в славе ему не было равных во всей империи.

Когда Ян Ю было четыре года, он попросил кормилицу принести кольцо, которым когда-то играл. Кормилица удивилась:

— У тебя кольца и в помине не было. Откуда же ему взяться?!

— Я играл с ним у восточной стены, и оно упало под тунговое дерево, — ответил ребенок.

— И ты сможешь его отыскать? — спросила кормилица.

— Я никогда там не был и места этого не знаю, — ответил малыш, тотчас вышел за ворота и направился прямо на

восток. Кормилица пошла за ним. Ребенок пришел к дому некоего господина Ли и под деревом, что росло у восточной стены, отыскал маленькое колечко. Господин Ли удивлялся и досадовал:

— Это колечко было у моего сына, и он любил играть с ним. Шести лет он внезапно умер, и о том, где колечко, мы так и не узнали. Эта вещь принадлежала моему сыну. Скажите, откуда она у вас?!

Мальчик удалился с кольцом в руке, и господин Ли последовал за ним, чтобы обо всем расспросить. Кормилица передала ему слова ребенка. Господин Ли не знал, печалиться ему или радоваться. Он хотел просить мальчика быть ему сыном, но соседи разобрались что к чему и отговорили его.

Когда Ян Ю вырос, его стала одолевать головная боль. Хотели обратиться к лекарям, но Ян Ю возразил:

— На третий день от рождения я лежал головой к двери, выходящей на север, и почувствовал, как мне в темя дует холодный ветер. Говорить, однако, я не умел. Когда болезнь такая застарелая, о лечении нечего и думать.

Потом Ян Ю стал военным наместником в Циньчжоу и усмирил Сяньян. Он предоставил средства монастырю Удансы и, сверх того, на постройку скита. Когда его спрашивали, отчего он так поступает, Ян Ю хранил молчание. Позже он принес покаяния, по порядку изложив причины и следствия своего поступка:

— В прошлом перерождении у меня было много грехов. Я отказал в пожертвованиях на постройку этого монастыря. Дабы избавиться от этого греха, я и поднес монастырю особо щедрые дары, — сказал Ян Ю.

Загробное хождение Чжи Фа-хэна

Шрамана Чжи Фа-хэн жил в начале династии Цзинь. Он как-то заболел и по прошествии десяти дней скончался. Еще через три дня Фа-хэн ожил и рассказал, что с ним произошло, когда он был мертв.

Пришли люди и увели Фа-хэна. В нескольких местах, с виду похожих на казенные дома, его не согласились принять.

Вдруг Фа-хэн увидел железное колесо с когтями, прикатившее с запада. Никем не влекомое, оно носилось с быстротой ветра. Служка вызывал грешников стать на пути колеса, и колесо снова и снова наезжало на них, превратив так несколько человек в месиво. Служка вызвал по имени праведника Фа-хэна и велел ему стать пред колесом. Фа-

хэн испугался и стал корить себя за прежнее нерадение, приговаривая:

— Так пусть же будет суждено мне ныне это колесо.

И сразу, как он это молвил, ему было позволено уйти.

Фа-хэн поднял голову и увидел отверстие в небесном своде. В мгновение ока Фа-хэн взмыл в небо и, опершись обеими руками о край отверстия, просунул в него голову. Он стал озиаться по сторонам и увидел Дворец о семи драгоценностях и всех небожителей. Фа-хэн обрадовался, но пролезть в отверстие не смог, как ни пытался. Выбившись из сил, он опустился на прежнее место. Его повели прочь, а люди смеялись ему вслед:

— Он уже был там и не смог взобраться!

Тогда Фа-хэна определили к чиновнику по судовому ведомству. Пригнали лодки и назначили Фа-хэна рулевым. Тот возражал:

— Мне не удержать в руках руль.

Но его заставили силой.

Фа-хэн прокладывал путь для нескольких сотен лодок, но не справился с управлением и посадил лодку на мель. Служки схватили его и сказали:

— Ты сбился с пути, и по закону тебя следует казнить.

Фа-хэна вытащили на берег и барабанным боем возвестили о казни. Вдруг появились два пятицветных дракона и столкнули лодку с мели. Служки простили Фа-хэна.

Лодка прошла еще тридцать *ли* (1 *ли* — 0,5 км) на север. Там на берегу Фа-хэн увидел прекрасное селение в несколько десятков тысяч дворов. Ему сказали, что это сильное поселение. Фа-хэн с опаской поднялся на берег. В селении было много злых собак, так и норовивших вцепиться в него зубами. Фа-хэн перепугался. Далеко на севере он увидел строение с залой для проповеди и в нем множество шрамана. Он услышал звуки песнопений и стремглав бросился туда.

В залу вели двенадцать ступеней. Поднявшись на первую из них, Фа-хэн увидел своего прежнего наставника Фа-чжу, восседавшего на варварском ложе. Тот увидел Фа-хэна и воскликнул:

— Никак это мой ученик?! Что ему здесь нужно?!

Он тотчас поднялся с ложа, подошел к Фа-хэну и стал бить его полотенцем по лицу, приговаривая:

— Прочь отсюда!

Фа-хэну очень хотелось подняться вверх по лестнице, но как только он ставил ногу на ступень, учитель прогонял его. Так было трижды, и, наконец, Фа-хэн оставил свои попытки.

Потом Фа-хэн увидел на гладком полу колодец глубиной в три-четыре чжана. Его кирпичная кладка была ровной и

без единого зазора. Фа-хэн подумал, что это обычный колодец, но люди, стоявшие поблизости, сказали:

— Этот колодец — необыкновенный. Разве мыслимо сотворить такое?!

Фа-хэн в последний раз взглянул на Фа-чжу. Тот проводил его взглядом и крикнул вдогонку:

— Идите своей дорогой! Собаки Вас не тронут!

Фа-хэн вернулся на берег реки, но лодки, доставившей его сюда, не нашел. Он почувствовал жажду и хотел напиться из реки. Фа-хэн свалился в реку и тотчас ожил.

Фа-хэн ушел в монахи, соблюдал обеты, питался растительной пищей. Дни и ночи напролет он жил помыслами о безупречном поведении. Шрамана и бхикшу (странствующий монах, просящий подаяния) Фа-цяо был учеником Фа-хэна.

Визит шрамана

Ли Хэн, по прозванию Юаньвэнь, был уроженцем Цяого. Когда он был еще совсем молод, его навестил некий шрамана и сказал:

— Вам уготовано благое воздаяние. Однако впоследствии оно обернется для Вас неудачей. Вы могли бы жить в бедности и предаваться религиозному совершенствованию, а не служить чиновником. Тогда Ваши блага возрастут, а неудачи уменьшатся. Так поразмыслите же об этом!

Хэн был не в меру честолюбив, да к тому же из бедной семьи. Он расспрашивал шрамана лишь о том, до каких чинов дослужится, а вовсе не о смысле религиозного совершенствования. Шрамана подал ему сутру в один свиток, а он не соглашался ее принять и только допытывался, какие почести и богатства его ожидают. Шрамана сказал:

— Вы будете одеваться в золото и пурпур и управлять тремя округами. Но лучше бы Вам ограничиться одним округом.

— При таком почете и богатстве разве будешь опасаться грядущих бед?! — воскликнул Хэн.

Шрамана остался у Хэна на ночлег. Среди ночи Хэн поднялся и увидел, что шрамана заполнил собой все ложе. Хэн позвал домочадцев. Шрамана тем временем превратился в большую птицу, взлетел и уселся на крыше дома. Наутро шрамана принял прежнее обличье и ушел. Хэн хотел было выйти за ворота и проводить шрамана, но того как не бывало. Хэн понял, что то было божество, и отныне принялся служить Будде. Однако он не сумел соблюсти себя в чистоте.

Впоследствии Хэн стал наместником в округах Сиян,

Цзянся, Луцзян, а также военачальником с титулом «Бросок дракона». В годы под девизом правления Да-син (318—321) он был казнен за участие в бунте Цянь Фэна.

Целомудрие бхикшуни

Начальник военного приказа Хуань Вэнь на склоне лет всецело предался учению Будды, подносил дары монахам и монахиням. Как-то раз к нему из далеких мест пришла бхикшуни (странствующая монахиня), имя которой неизвестно. От имени всех монахинь она удостоила Вэня званием данапати-благотворителя. Своим поведением бхикшуни проявляла необычайные дарования, и Вэнь почел за честь принять ее у себя. Поначалу бхикшуни пожелала помыться. Вэнь обуял соблазн, и он стал за ней подсматривать. Он видел, как она разделась, затем схватила нож, вспорола живот, выпростала утробу, а вслед за этим отрезала себе голову и отсекла конечности. Вэнь испугался и отпрянул, а бхикшуни вышла из умывальни цела и невредима. Вэнь спросил, что это было, а бхикшуни отвечала:

— Если бы Вы, господин, посягнули на меня, казнь надомной свершилась бы!

Еще когда намерение Вэня только зрело, она все поняла и огорчилась. Из боязни нарушить обеты бхикшуни вот так и оберегла свое целомудрие. Она все это рассказала и ушла. Где бхикшуни была потом — неизвестно.

Моление Авалокитешваре

Уроженец Яньчжоу Люй Сун, по прозванию Моугао, проживал в уезде Шифэн. На юге уезда по горным кручам сбегала речка: петляла и извивалась, точно нитка в клубке. Да еще там была уйма больших валунов. Так что путники и днем опасались спускаться по ней на лодке. Сун рассказал, как он и его отец плыли по этой речке на отдалении нескольких десятков *ли* от дома. День клонился к закату, и внезапно поднялся ветер, разразилась буря. Свет померк, стало черным-черно: не видно ни зги. Они решили, что непременно перевернутся и потонут. Напоследок Сун обратил сердце к Гуаньшиню-Авалокитешваре. Он произнес имя бодхисаттвы и только стал повторять его, как на берегу зажегся огонь. Будто кто-то выхватил факел и осветил реку ясным светом. Этот огонь светил им на всем пути до дому, пока они не отошли от лодки на десять шагов. По возвращении они принимали у себя в гостях Чи Цзябина и обо всем ему рассказали.

Утка со сломанным крылом

В уезде Лоцзянсянь, что в округе Цзиньань, есть горы Хошань, заслоняющие солнце. На вершине — каменное ложе несколько *чжанов* в объёме, а по нему беспрерывно струится полноводный родник глубиной в пять-шесть *чи*. Древние старцы поведали, что сюда захаживали утолить жажду горные отшельники.

Шрамана Сэн-цюнь жил отшельником в тех горах. Выпьёт он бывало воды из того родника и уже не ощущает голода, даже к злакам не притрагивается. Наместник округа Цзиньань Тао Ся узнал об этом и приказал добыть ему воды из того родника. Сэн-цюнь передал ему воду, но стоило посыльному спуститься с горы, как она портилась. Тогда Тао Ся сам переправился через озеро и пришел к горе. Небо в тот день было ясное и безоблачное. Но только Тао Ся ступил на гору, как ветер, дождь и кромешная тьма — три неодолимых препятствия — стали на его пути.

Обитель Сэн-цюня была отделена от родника горным потоком. Утром и на обратном пути вечером он переходил речку по бревну, служившему ему мостом. Как-то утром Сэн-цюнь собирался как обычно перейти речку, но увидел утку со сломанным крылом. Положив крыло на бревно, та изгибала шею и щелкала клювом. Сэн-цюнь так и не смог через нее переступить. Хотел он было столкнуть крыло посохом, но побоялся, что утка потонет. Так Сэн-цюнь остался без родниковой воды и вскоре скончался от жажды и голода. Говорили, что ему было тогда сто сорок лет. В преддверии смерти Сэн-цюнь так истолковал происшедшее:

— Ребенком я перебил крыло одной утке. Теперь в исполнение закона причин и следствий утка послужила мне воздаянием.

Шрамана Кан Фа-лан

Шрамана Кан Фа-лан провел годы ученичества в Чжуншане. В годы под девизом правления Юн-цзя (307—312) вместе с четырьмя бхикшу (монах, просящий подаяния) Фа-лан с запада отправился в Индию. Им оставалось пройти тысячу *ли* в Зыбучих Песках (западная часть пустыни Гоби), когда близ дороги они увидели разрушенный буддийский монастырь с обезлюдевшими залами и кельями: одна полынь, и никого вокруг. Фа-лан и его спутники совершили земной поклон и вдруг увидели в отдельных кельях двух монахов. Один читал сутру; другого одолевал такой понос, что была загажена вся келья. Монах, читавший сутру, даже не удостоил их взглядом. Фа-лан проникся состраданием

к больному. Из остатков риса он приготовил на огне отвар, подмел и вымыл до блеска келью. На шестой день больному стало совсем плохо: понос вконец его одолел. Странники ухаживали за ним, а про себя решили, что он не дотянет до утра. Наутро они пришли на него взглянуть и что же: лик его был ясен и светел. Болезни как не бывало, а келья благоухала ароматом цветов. Странники поняли, что перед ними владеющий Учением муж, пришедший из загробного мира испытать их. Больной молвил:

— Бхикшу в соседней келье — мой наставник. Он давно уже овладел премудростью Учения. Пойдите и поклонитесь ему.

Странники подозревали монаха, читавшего сутру, в жестокосердии. Теперь они пришли к нему с поклоном и покаянием. Тот сказал им так:

— Все вы, господа, устремлены к вере и вместе ступили на Путь. Однако Вам, досточтимый Фа-лан, недостает познаний. Ваши чаяния не сбудутся в этой жизни.

Товарищам Фа-лана он сказал:

— Ваша мудрость глубока и основательна. Вы обретете желаемое в этой жизни.

С тем он и оставил их.

Впоследствии Фа-лан вернулся в Чжуншань и стал великим закононаставником. Его чтили и праведники и миряне.

Происшествие в семье Ду

Ду Юань, по прозванию Юнпин, был уроженцем города Фучжоу, что в округе Цзытун. Его семья была большая и богатая. Был у него горячо любимый сын по имени Тяньбао. В возрасте десяти лет, в третьем году под девизом правления Тай-юань (378), Тяньбао был поражен недугом и умер.

Прошло несколько месяцев. Свинья, которая была у них на откорме, принесла пять поросят. Самого жирного из них собирались зарезать по случаю приема нового начальника. Вдруг перед Юанем предстал некий бхикшу.

— Этот поросенок — Ваш сын. Прошло всего сто дней, а Вы его уже позабыли! — молвил бхикшу и тотчас исчез.

Его искали повсюду, но увидели только, как он мчится по небу на запад, удаляясь из виду. Весь день в воздухе витал чудный аромат.

Неведомые знаки

Дин Чэн, по прозванию Дэшэн, был уроженцем Цзинь. В годы под девизом правления Цзянь-ань (368—371) он был начальником в уезде Ниньинь. В то время женщины с се-

верной границы ходили на ту сторону черпать из колодцев воду. Однажды к колодцу подошли варвары с длинными носами и глубокими глазницами и попросили напиться. Они напились, и их как не бывало. А у одной женщины заболел живот. Боль все усиливалась: женщина кричала и плакала. Потом она очнулась, села и принялась отдавать распоряжения на варварском языке. В селении проживало несколько десятков семей. Все они воочию видели происходящее. Женщина велела принести кисть и бумагу, пожелав писать книгу. Она взяла кисть и тотчас стала писать по-варварски горизонтальные строки письмен, похожие то ли на червяка, то ли на крючок. Она заполнила ими пять листов бумаги, положила листы на землю и велела людям читать это писание. В селении не оказалось никого, кто мог бы такое прочесть. Был там один мальчик лет десяти. Женщина указала на него. Мальчик взял листы и тотчас стал читать на языке варваров. Люди были изумлены и ничего не могли понять. А женщина тем временем велела мальчику встать и сплясать. Мальчик поднялся, встал на цыпочки и стал двигаться, а затем остановился по мановению ее руки.

О происшедшем доложили Дэшэню. Тот призвал и допросил женщину и мальчика. Те ответили, что были тогда, как в дурмане, и не осознавали, что делают. Известно также, что Дэшэнь провел следствие по этому делу. Он послал службу с книгой в монастырь Сюйсясы, чтобы показать ее там старейшинам-варварам. Варвары были крайне удивлены. Они рассказали, что это лакуна буддийской сутры. Они потеряли ее дальней дорогой в Китай, да так и не смогли раздобыть. Они помнили и читали ее наизусть, но не полностью. Это как раз и есть та самая часть. Книгу оставили тогда в монастыре на переписку.

Скорбь матери

Дочь господина И из рода Се была женой командующего левофланговым войском династии Цзинь Ван Нинчжи. Госпожа Се одного за другим потеряла двух сыновей. Она скорбела о них безмерно, плакала навзрыд многие годы. Жизнь ей стала в тягость. Потом она вдруг увидела обоих сыновей вернувшимися. Оба были закованы в кандалы и уговаривали мать:

— Вы должны унять свою боль. У нас обоих были преступления. Так пусть живые направят скорбь и жалость нам во благо!

После этого госпожа Се не предавалась страданиям, а множила заслуги.

Вылупившийся цыпленок

Шрамана Чжи-дунь, по прозванию Дао-линь, был уроженцем Чэньлю. Благодаря моральному совершенству и открытости нрава, он стал духовным предводителем тех, кто следовал учениям Лао-цзы и Шакьямуни. Как-то он рассуждал с одним наставником о сути вещей и говорил так:

— Куриное яйцо не есть живность, и расколоть его не значит совершить преступление, равное убийству крохотного животного.

Наставник тут же исчез и вскоре появился перед Чжи-дунем с яйцом в руке. Он бросил яйцо оземь. Яйцо разбилось, и из него появился цыпленок. Цыпленок отряхнулся и пошел своей дорогой. Тут Чжи-дунь призадумался и устыдился своих речей. А наставник и цыпленок исчезли, как их и не было.

Загробный визит шрамана Хуэй-да

Шрамана Хуэй-да происходил из семьи Лю, его мирское имя было Сахэ, уроженец Лиши, что в Сихэ. Он вырос при войске и до того, как стать монахом, не слыхивал о законе Будды: был по духу воином и любил поохотиться. В тридцать лет он вдруг заболел и умер. Но тело Сахэ оставалось теплым, и родные откладывали похороны. На седьмой день Сахэ ожил и рассказал следующее.

Когда наступила смерть, пришли двое, связали Сахэ и увели по направлению к северо-западу. Дорога шла в гору и привела на ровную местность. По обеим сторонам стояли деревья. Они увидели стражника с луком в руках и мечом на поясе. Он остановил их и приказал вести Сахэ на запад, где было великое множество строений с белыми стенами и красными колоннами.

Сахэ вошел в один из домов. Там была девушка, прекрасная собой. Только он попросил у нее поесть, как неведомо откуда раздался голос:

— Не давайте ему есть!

Из-под земли выскочил человек с железным посохом и замахнулся на Сахэ. Тот опрометью умчался. Сахэ входил в десяток домов, но так и остался ни с чем. Он продолжил путь на северо-запад и увидел старушку, ехавшую на повозке. Та протянула ему свиток, и Сахэ принял его. Он пошел на запад и пришел к дому.

Дом был снаружи великолепен, а у дверей сидела старуха с тигровыми, выступающими вперед зубами. В самом доме было ложе с пологом изумительной красоты, бамбуко-

вая циновка и темный столик. Там была девушка, которая спросила Сахэ:

— Вы принесли свиток?

Сахэ подал ей свиток, и она сличила его с таким же, что был у нее. Вдруг Сахэ увидел двух монахов. Те спросили:

— Ты узнаешь нас?

Сахэ отвечал, что не узнает.

— Отныне и навсегда ты вверяешь себя Будде Шакьямуни, — воскликнули шрамана, и тотчас на Сахэ снизошло просветление. Он продолжил путь вместе со шрамана.

Вскоре они увидели какой-то город размером этак с Чанъань. Однако цвета он был черного и весь из железа. Люди там были большущего роста; тела их казались покрытыми черным лаком, волосы на голове отросли так, что волочились по земле. Шрамана сказали:

— Это демоны — обитатели ада.

Было там очень холодно, и ветер трепал одежды демонов. Лед, будто циновка, устилал все вокруг. Он лежал повсюду и на тех людях: попадал на их головы, и головы отваливались, попадал на ноги, и отваливались ноги.

— Это ледяной ад, — сказали шрамана.

И Сахэ вдруг осенило. Он вспомнил одно из своих предшествующих перерождений и узнал этих шрамана — своих наставников во времена будды Випашьи (первый из семи будд, предшествовавших Будде Шакьямуни). Он был тогда послушником-шраманера, но совершил злостные проступки и не удостоился принятия монашеских обетов. Хотя Будда и явился миру, Сахэ так и не стал его последователем. Затем он вновь обрел человеческое обличье: однажды переродился среди цянов (западные соседи китайцев; прародители современных тибетцев), а ныне при династии Цзинь.

В том аду Сахэ повстречал дядю. Тот сказал:

— Прежде в землях Е я не ведал о служении Будде. Были люди, совершавшие омовение Будды (ритуал омовения статуи Будды, совершаемый в день его рождения). Они пытались понемногу меня научить, но я отказывался обратиться в веру. Потому я и принимаю кару. А ведь участие в омовении Будды — достаточная заслуга, чтобы благополучно возродиться на небе.

Потом Сахэ побывал на адовой горе мечей. Один за другим он прошел все ады, повидал их великое множество. В каждом городе был свой ад; ады были отделены один от другого. Людей в них было, что песчинок, которым несть числа. Правила, по которым их приговаривали к пыткам, и сами разновидности пыток в основном соответствуют описанным ранее.

Бредя по аду, Сахэ пошел на отблеск света. И вдруг ему открылось золотое сияние, свет яркий и чистый. Он увидел человека этак в два *чжана* ростом, прекрасного собою и всего как бы из золота. Из его свиты донеслось:

— Великий муж Гуаньшинь-Авалокитешвара!

Все поднялись ему навстречу и почтили ритуалом. Два шрамана, один под стать другому, пошли на восток, а Сахэ совершил ритуал поклонения бодхисаттве. Бодхисаттва прочитал проповедь в более чем тысячу слов и закончил так:

— Благополучие умершего закладывается его отцом и матерью, старшими и младшими братьями, а также в продолжение семи поколений родней и родственниками жены, друзьями или просто знакомыми, будь они при монашеской обители или при семье. Благодаря им умерший избавляется от страданий. Шрамана принимает постриг в пятнадцатый день седьмого месяца. В это время подношение даров особенно благотворно. Если же вы подносите утварь, то наполните пищей и непременно снабдите такой надписью: «Во благо такого-то родители нижайше подносят Будде, его учению и общине». Тогда заслуги умершего умножатся и блаженство придет к нему скорее. Шрамана и миряне могут без утайки открыть перед сангхой свои разного рода дурные поступки, совершенные в прошлом, а также в предшествующих перерождениях. Ревностным и чистосердечным покаянием они уничтожают свои грехи. Если же человек стыдлив и робеет открыть сангхе свои прегрешения, ему дозволяется в укромном месте записать их, не оглашая. Если ничто не будет упущено, его грехи также списываются. Если же будут упущения из желания что-либо утаить, то он не добьется полного избавления от мучений, но получит возмездие более легкое. Если же грешник не в состоянии раскаяться и не испытывает угрызений совести, то его зачисляют в злостные нечестивцы, которые по истечении жизни низвергаются прямо в ад. Если же кто-то жалуется на строительство ступы или храма пусть даже горсть земли или деревце, то такие подношения и помощь от чистого сердца обеспечивают ему великое множество заслуг. Если же кто-то при посещении храма видит сорняки или грязь и как ни в чем не бывало проходит мимо, то заслуги, приобретенные им от поклонения Будде, соответственно иссякнут.

Еще бодхисаттва сказал:

— Сутры — это предначертания Высокочтимого, указующие путь к обращению! Первейшая по заслугам — *Праджня-парамита-сутра*. За ней следует *Шурамгама-сутра*. Если благочестивый человек декламирует отрывки из этих сутр, то местом его пребывания становится трон Ваджра. Однако все живые существа, обладающие физическим зрением, не спо-

собны этого увидеть. Тот, кто умеет прочесть сутру, не будет низвергнут в ад. Подлинный текст *Праджня-парамита-сутры* и патра Так Пришедшего (Будды) со временем предстали Востоку, прибыли в земли Хань (Китай). Тот, кто единым добрым делом способствовал утверждению здесь сутры и патры, обретет благое воздаяние: переродится на небесах и вдвойне умножит свои заслуги.

Речь божества была чрезвычайно обширной и приводится здесь в кратком изложении. На прощание бодхисаттва сказал Сахэ:

— Тебе полагалось бы принять карающее воздаяние в продолжение многих калп (период времени, измеряемый сотнями тысяч лет). Но для того чтобы ты понял, что Закон рождает в сердце радость, тебя подвергнут легкому воздаянию. Примешь кару один раз и будешь свободен. Ты вернешься к жизни и станешь шрамана. В пяти местах: Лояне, Линьцзы, Цзянье, Маоине и Чэнду есть ступы царя Ашоки, а в Учжуне есть два каменных изваяния будд, которые царь Ашока предназначал демонам и божествам. Эти изваяния получились весьма доподлинными. Пойди туда и соверши поклонение. Тогда ты не будешь низвергнут в ад.

Бодхисаттва так закончил свою речь и пошел на восток. А Сахэ проводил его поклоном и расстался с ним.

На юг вела большая дорога шириной более чем в сто шагов. Идущих по ней путников было несметное множество. У края дороги было возвышение в несколько десятков *чжанов*, на котором восседал шрамана, окруженный рядами монахов. С северной стороны стоял секретарь с кистью в руке. Он обратился к Сахэ с вопросом:

— Ты зачем убил оленя в Жаньяне?

Сахэ рухнул на колени и ответил:

— Оленя убил не я. Я его только ранил, и к тому же не ел его мяса. На каком основании вы хотите подвергнуть меня воздаянию?!

И тотчас Сахэ увидел то место в Жаньяне, где он убил оленя. Заросли травы, деревья и горный ручей вдруг встали у него перед глазами. Черная лошадь, на которой ехал Сахэ, к тому же умела говорить. Она подтвердила, что такого-то дня такого-то месяца и года Сахэ убил оленя. Сахэ опешил, не смея возразить. Его подцепили на вилы и бросили в кипящий котел. Сахэ видел, как его собственные конечности разрушаются и разваливаются. Вдруг подул ветер, сгнавший эти ничтожные останки на край котла. В один неуловимый миг Сахэ стал таким же, как и прежде.

— Ты еще застрелил фазана, да к тому же убивал гусей, — продолжил секретарь, и вновь Сахэ насадили на вилы, и бросили в кипящий котел, и варили тем же способом.

Когда он сполна принял такое воздаяние, ему велели идти прочь.

Сахэ пришел в большой город. Жители города сказали: — Ты принял легкое воздаяние, да еще и возвращаешься к жизни! Все это благодаря твоим заслугам в предшествующих перерождениях. Отныне не совершай преступлений!

Они послали с Сахэ провожатого.

Еще издали увидев свое покоящееся тело, Сахэ раздумал возвращаться. Провожатый затолкал его силой, и он долго-долго соединялся со своей плотью, прежде чем ожил.

Сахэ чтит Закон с полнейшим тщанием. Он сразу ушел в монахи и в монашестве звался Хуэй-да. В последние годы под девизом правления Тай-юань (376—396) он жил в столице, а затем отправился в Суючан. О последних годах его жизни ничего не известно.

Летающий шрамана

В горах Лушань есть семь хребтов, соединяющихся на востоке в горный пик. На его отвесную вершину никто и никогда не забирался. В годы под девизом правления Тай-юань наместник округа Юйдань Фань Нин решил выстроить школу и отправил в те горы дровосеков на заготовку леса. Те увидели человека в одежде шрамана, поднимающегося по воздуху прямо к вершине. Он приблизился к вершине, покружил, а затем опустился на нее. Шрамана долго сидел, наслаждаясь видом облаков, а затем исчез. Было там еще несколько человек, наблюдавших за ним снизу. Мужиграмотеи пришли в восторг от такого известия, а шрамана Тань-ди сложил в Лушане оду:

Да, было так!

Пронзил он облака и на вершине горной очутился.

Иначе будь я поражен бельмом

Иль тотчас в царство тьмы низвергнут.

Милость бодхисаттвы

Би Лань был уроженцем Лунпина. С молодых лет он чтит Закон. Лань отправился с войском Мужун Чуя в северный поход. Он был в окружении варваров, когда от него убежала лошадь. Враги скакали за ним по пятам. Лань принялся всем сердцем взывать к Гуаньшииню, и ему удалось скрыться. Он поднялся высоко в горы, заблудился и сбился с пути. И вновь Лань доверился Гуаньшииню. Ночью он увидел праведника в уставной одежде и с посохом в руке. Праведник указал тропинку, и Ланю удалось найти дорогу и благополучно добраться до дому.

Шрамана-чужестранец Ци-юй

Шрамана Ци-юй был уроженцем Индии. Пришел он из западных краев морем, побывал в Гуаньчжуне и Лояне. По дороге в старый Сянъян Ци-юй собирался переправиться на северный берег озера. Лодочник увидел индуса-шрамана в рваной и ветхой одежде и побрезговал им — не пустил в лодку. Лодка еще только подходила к северному берегу, а Ци-юй уже поднимался на берег. Все, кто были в лодке, изумились. Навстречу Ци-юю, поджав уши и виляя хвостами, вышли два тигра. Ци-юй потрепал их по головам рукой, и те тотчас ушли в заросли. Люди с северного и южного берегов кинулись к шрамана с расспросами, но Ци-юй так и не проронил за весь день ни слова. Когда он продолжил путь, несколько сотен человек бросились за ним вдогонку. Ци-юй шел неспеша, однако преследователи так и не достигли его.

На исходе правления императора Хуэй-ди (290—307) Ци-юй прибыл в Лоян. Праведные мужи Лояна приходили к нему выразить свое почтение. Бывало Ци-юй даже не приподнимется им навстречу, а то и обругает за излишество в одежде:

— Вы и ваша братия не принадлежите к истинным и преданным последователям Будды. Вы — пустоцветы, домогающиеся подношений,

Увидев императорский дворец в Лояне, Ци-юй воскликнул:

— Дворец на небесах Трайястримшас точь-в-точь такой же! Этот дворец сооружен с такой же сноровкой и умением, что и небесный, но какими тяжкими трудами простых смертных!..

Юные Чжи Фа-юань и Чжу Фа-син пришли на поклон к Ци-юю. Ци-юй поднялся, вышел навстречу и приветствовал их. Фа-юань совершил ритуал поклонения, и Ци-юй погладил его по голове, приговаривая:

— Прекрасный бодхисаттва, рожденный среди баранов, пришел к нам!

Увидев вошедшего следом в ворота Фа-сина, Ци-юй очень обрадовался и засмеялся. Он вышел ему навстречу, поклонился и обнял, а затем поднял над головой, восклицая:

— Прекрасный бодхисаттва, рожденный среди небожителей, явился нам!

Один служащий императорского провизорного ведомства болел несколько лет и был при смерти. Ци-юй пришел к нему, осмотрел и молвил:

— Каким же было грехопадение, вызвавшее такие муки! Больного положили на пол. Под него положили циновку,

а на живот поставили патру (чаша, служащая монаху для сбора подаяний). Патру накрыли полотняной тканью. Ци-юй пропел индийский гимн в три гатхи (стихотворная часть сутры: песнопение, псалом), произнес индийское заклинание в несколько тысяч слов. Тотчас помещение наполнилось дурным запахом. Больной молвил:

— Я еще жив.

Ци-юй велел снять ткань, и все увидели в патре что-то вроде нечистот. Больной сразу же выздоровел.

Наместник в Чанша Тэн Юнвэнь был истым приверженцем Учения. Но прошел уже год, как в Лояне его разбил паралич нижних конечностей — бэри-бэри. Ци-юй произнес заклинание, и в тот же миг обе его ноги распрямились. А через несколько дней он уже поднимался и ходил.

В монастыре Маньшуйсы было дерево, пробуждающее мысль. Оно совсем засохло, и Ци-юй стал его заклинать. Через десять дней дерево ожило и расцвело.

В том монастыре был монах Чжу Фа-син, которого в искусстве вести беседы равняли с Юэ. Фа-син повстречал Ци-юя и, преклонив голову, вопрошал:

— Вы сподобились овладеть Учением. Не угодно ли будет Вам дать мне свои наставления?

— Держите рот закрытым, а свои мысли оставьте при себе! Не позволяйте себе нарушать это правило и уйдите от суетного мира, — изрек Ци-юй.

— Тому, кто овладел Учением, не пристало повторять то, что известно каждому, изрекать истины, которые учат наизусть в возрасте послушника-шраманера. Не то мы наделись от Вас услышать, — сказал Фа-син.

— Судя по Вас, господин, то, что заучил восьмилетний ребенок, не в состоянии исполнить и столетний старец, — сказал с усмешкой Ци-юй. — Люди знают и чтят того, кто овладел Учением. Но неведомо людям, как самим обрести Учение. Я смотрю на это просто. Сокровенный закон — в Вас самих. Как жаль, что Вы об этом не догадываетесь!

Столичная знать и простой люд поднесли Ци-юю в дар несметное множество одежд. Прежде чем покинуть Лоян, Ци-юй изготовил из части даров восемьсот хоругвей, навьючил их на верблюдов и отправил впереди себя с купцами, возвращавшимися в Индию. Еще он принял от шрамана Фа-сина монашескую рясу-кашая, сшитую из целой холстины (вопреки уставу, предписывающему носить рясу, сшитую из лоскутов), и сказал ему так:

— В этой стране очень силен грех нововведений. Как бы не пожалеть об этом!

На проводы Ци-юя собралось несколько тысяч человек. Совершив дневную трапезу в одном из монастырей Лояна,

Ци-юй отправился в путь. В тот же день из Чанъани появился человек, который видел там Ци-юя в одном из монастырей. Купец, которого Ци-юй отправил впереди себя, с караваном верблюдов и погонщиками достиг реки близ Дуньхуана. Там он повстречал младшего брата, идущего из Индии. Тот сказал, что видел Ци-юя неподалеку, в монастыре Дуньхуана. Ученик Та-дэн говорил, что он встретился и беседовал с Ци-юем на севере Зыбучих Песков. Было это на десятый день по выходу Ци-юя из Лояна. Пройденный путь равнялся к этому времени десяти тысячам *ли*.

Аньцзюнь возвращается с того света

Чэнь Аньцзюнь был уроженцем Жанъяна. Старший брат его отца смолоду был шаманом: плясал под барабан и совершал жертвоприношения. Лицами божеств и алтарями наполнилось его жилище. Только отец Аньцзюна верил в закон Шакьямуни, днем и ночью соблюдал обеты. Дядя умер, а сына у него не было. Отец определил ему в наследники Аньцзюня. Аньцзюнь жил в доме у дяди, но его помыслы и желания были чисты. Он раз и навсегда отказался от непристойных жертвоприношений.

Вскоре Аньцзюнь заболел. Когда принимались воспевать божеств, он терял сознание, впадал в беспамятство. Так прошел год. Аньцзюнь еще крепче утвердился в своих намерениях. Он дал клятву:

— Если я нарушу заповедь, не исполню завета «не убий», то быть мне в неоплатном долгу. Я лучше отрежу свои конечности и принесу их в жертву!

Родственники уговаривали Аньцзюня, но он был непреклонен.

Прошло два года. В шестом году под девизом правления Юн-чу (420) Аньцзюнь снова заболел. Дыхание оборвалось, но в сердце еще теплилась жизнь, и родные откладывали похороны. А через семь дней ночью тем, кто присматривал за ним, почудилось, будто ветер прошелся по его ногам и тронул погребальную накидку. И сразу же Аньцзюнь ожил и подал голос. Родные вначале попадали от страха, а затем разбежались кто куда. Вскоре Аньцзюнь мог двигаться и, наконец, попросил есть и пить. Родные обрадовались и спросили, откуда он пришел. Аньцзюнь рассказал обо всем, что с ним случилось.

Вначале появился человек, похожий на посланника, в сопровождении нескольких десятков воинов с мечами и приказал увести Аньцзюня. Воины собирались связать Аньцзюня, но посланник сказал:

— У этого человека есть заслуги. Не связывайте его! Они прошли более трех сотен *ли* и прибыли к прекрасному дворцу. То была городская управа. Посланник провел Аньцзюня через помещения, похожие на канцелярии. В последнем Аньцзюню вручили бумагу и кисть.

— Двадцать четыре раза напишите имя, которое Вы носили до смерти, — приказали ему.

Аньцзюнь, как ему было велено, принялся писать свое имя. Он написал его лишь несколько раз, когда вошел чиновник для поручений и крикнул громовым голосом:

— Аньцзюнь, войдите!

Когда он вошел, ему объявили приказ о переводе в следственную тюрьму. Служки заспорили; один говорил:

— В большие колодки его!

— У этого человека много благодеяний. Ограничимся колодками в три *чи*, — возражал ему другой.

Служки долго препирались, да так ничего не решили. Они принялись смотреть бумаги, долго их изучали и, наконец, надели на Аньцзюня колодки в три *чи*.

Потом Аньцзюнь увидел знатного и прекрасного собой господина со свитой в несколько десятков человек.

— За что ты попал сюда? — спросил он Аньцзюня.

Тот подробно и по порядку рассказал свое прошлое, и знатный господин сказал:

— У твоего дяди были преступления. Однако записями подтверждается, что у тебя были кое-какие благодеяния. Потому тебе разрешено пока располагать собой по своему усмотрению. Теперь ты сможешь обжаловать решение в суде. Я с детства дружил с твоим отцом и видел тебя еще маленьким. Ты можешь, как и прежде, пойти со мной погулять.

Служки ада не соглашались снять с Аньцзюня колодки, говоря:

— Мы не имеем на это распоряжения начальника управы, а самоуправствовать нам не позволено.

— Доверьте его мне. Я не дам ему скрыться, — настаивал господин. И тогда служки отпустили Аньцзюня.

Вместе со знатным господином Аньцзюнь обошел многие ады, обозрел разные виды мучений. Эти мучения сходны с теми, о которых рассказывается в предыдущих записях.

Они обошли еще не все ады, когда появился глашатай и изрек:

— Начальник управы вызывает к себе Аньцзюня!

Аньцзюнь перепугался и умолял знатного господина заступиться за него.

— Ты сам не совершал преступлений. Так что говори все как есть и ни о чем не печалься, — успокоил его господин.

Аньцзюнь подошел к управе и увидел там несколько сотен человек, закованных в кандалы. Он вошел в управу вместе с ними. Аньцзюнь был третьим по списку. Они подошли к ступеням. Человек в парадной чиновничьей шапке встал перед узниками и стал зачитывать перечень их преступлений. О первом он говорил, что, вступая в брак, тот поклялся супруге не оставить ее, даже если у них не будет сына. Этот человек был из рода «возливающих вино» (священнослужитель и управляющий округа в религиозном даосизме секты Пяти *доу* риса); жена его также чтит Дао. Вместе они руководили народом. У него была ученица — девушка из знатной семьи. Он совратил ее, а от жены отказался. Та подавала на него жалобу в суд.

Начальник управы изрек приговор:

— Ты нарушил клятву великой верности, данную супруге. Однако одно преступление не карается дважды, а однажды ты уже наказан. Учителя чтут наравне с отцом и государем, а ты совратил девушку. Ты нисколько не лучше отца, развратившего сына. Передайте его в отдел наложения наказаний!

Вторым зачитали донесение на женщину, фамилию и имя которой Аньцзюнь запомнил: он помнил только, что ее семья живет в деревне Хуаншуй, уезда Гуаньцзюнь, округа Наньян. В семье она управлялась у плиты, и ей благоволил бог домашнего очага Цзао. Однако женщина любила поспать, а младенец тем временем ползал на четвереньках взад-вперед и гадил в посуду. Женщина просыпалась, принималась молиться богу Цзао, а затем только все мыла и чистила до блеска. Свекор ругал ее бранными словами, говоря, что нет никаких законов Неба и духов умерших, если дозволяется разводить такую грязь. Начальник приказа домашнего очага узнал об этом и доставил женщину сюда.

Начальник управы сказал:

— Спать сверх меры — не есть преступление, а с малого несмышленого дитяти спрос невелик. К тому же она уже просила богов быть к ней милостивой. Здесь нет преступления. А вот свекор, отринувший Путь и возведший хулу на души умерших, должен быть доставлен сюда!

И вскоре привели свекра, связанного красной веревкой.

Настала очередь Аньцзюня, и человек, стоявший подле ступеней, зачитал донесение на его имя, к которому присовокупил обвинения, предъявленные его умершему дяде.

Начальник управы изрек:

— Этот человек служил Будде. Он — человек великой добродетели. Его дядя губил невинные жертвы, вводил в заблуждение простой люд. Его преступления уже были подвергнуты тщательному расследованию, но поскольку у него были кое-какие заслуги, ему не вменялись в вину отягчающие

обстоятельства. Ныне же он еще и возвел напраслину на безвинного!

Начальник приказал немедля схватить и притащить сюда дядю, а Аньцзюню велел возвращаться:

— Когда вернешься, добром послужи правому делу упрочения Закона. Тебе отмерен срок в девяносто три года. Неукоснительно его соблюдай! И не смей приходить еще раз раньше времени!

Когда Аньцзюнь выходил из управы, его остановил начальник канцелярии:

— Вы, господин, должны быть исключены из списка умерших.

Аньцзюнь подождал, когда его имя вычеркнут из списка, и собирался пойти на то место, где они расстались со знатым господином. Но господин сам нашел его и сказал:

— Я знал, что так оно и будет. Удостоиться возвращения — прекрасная участь! Неустанно совершенствуй свои добродетели! Мои прошлые заслуги ничтожны, и я не сподобился переродиться на небе. Здесь я помогаю начальнику управы. Я весел, беспечен и богат: живу и радуюсь тому, как прекрасен путь, предначертанный богами! Моя семья живет в Юань, фамилия такая-то, зовут так-то. Когда вернешься, передай им от меня привет. Всемерно чти Закон и не смей нарушать заповедей Будды. Обо всем, что здесь видел, расскажи другим.

В сопровождении трех служек Аньцзюнь вышел за ворота. Не прошли они и несколько шагов, как их догнал нарочный, вручивший Аньцзюню верительную бирку. При этом он сказал:

— Владейте этой биркой, господин! Покажите ее, когда будете проходить через пограничную заставу. И не пытайтесь проскользнуть незамеченным! Нарушитель наказывается каторжными работами! Когда Вам встретится водная преграда, бросьте в нее эту бирку, и Вы сможете ее преодолеть.

Аньцзюнь принял бирку и тронулся в обратный путь. Шел он долго и пришел к большой реке: переправиться через нее не было никакой возможности. Как было велено, он бросил бирку в реку. И сразу в глазах у него помутилось. . . Очнулся он в своем доме.

Аньцзюнь услышал, как рыдает вся его семья. Служки, которые сопровождали Аньцзюня, требовали, чтобы он немедля вернулся в свое тело. Аньцзюнь меж тем отказывался:

— Тело уже оплакали, и я не могу в него вернуться.

Служки его толкнули, и он упал ничком в ноги труп.

По выздоровлении Аньцзюнь захотел свидеться с женщиной из деревни Хуаншуй. Он отправился в уезд Гуаньцзюнь и стал ее там разыскивать. Наконец он нашел ту женщину:

они встретились как старые знакомые. Она рассказала, что после смерти вновь вернулась к жизни, а свекор в тот же день скончался. Все рассказанное ею совпадало с тем, что видел и слышал сам Аньцзюнь.

Аньцзюнь принял пять обетов от уроженца Жанъяна наставника Сэн-хао. В последние годы тот жил в Чанша, а был с Аньцзюнем из одной деревни родом. Этот рассказ Сэн-хао слышал из уст самого Аньцзюня. Кончину Аньцзюня он видел своими глазами. Было тому девяносто три года.

Гунаварман

Гунаварман, что означает доблесть и добродетель, был родом из Кашмира, сыном правителя. В молодые годы он ушел в монахи, был наречен наставником в Трипитаке. В начале правления династии Сун (420—479) он пришел в Китай, изложил переводы из буддийского собрания в великом множестве. Гунаварман исполнял монашеские установления безупречно и с достоинством: равного ему в этом не было. Шрамана Хуэй-гуань восхитился его нравом и пригласил на жительство в столицу, в монастырь Циюаньсы. Все посещавшие Гунавармана не сомневались в том, что он необычный человек, но измерить прелести его божественного дара во всей ее глубине и таинстве были не в состоянии. Однажды Гунаварман был приглашен в горы Чжуншань, монастырь Динлинсы. Праведники и миряне собрали цветы и положили их монахам на циновки, желая отыскать среди них воистину святого. Цветы, на которых восседали другие монахи, завяли и смялись. И только цветы с циновки Гунавармана оставались цветущими и свежими, как прежде. Вся столица стала чтить Гунавармана пуще прежнего.

Гунаварман скончался в восемнадцатый день девятого месяца восьмого года под девизом правления Юань-цзя (426). Он совсем не болел. Сидел он, как обычно, поджав скрещенные ноги ступнями вверх, запахнув полы халата и сплетя пальцы рук. Так прошла ночь, а он оставался неподвижен. Думали, что он погрузился в самосозерцание. Но когда с циновки Гунавармана подняли завешание, в котором говорилось, что он достиг второго плода святости (сакридагамин), все поняли, что учитель мертв. Ученики стали у праха учителя, всех известили о его кончине, воскурили фимиам. В столицу приехало более двухсот человек. Они ночь напролет твердили сутры, стояли за дверьми и по всей лестнице. Пред сожжением останков на небе в юго-западной стороне поднялась облачная дымка, и вдруг появилось некое существо длиною этак с *пи* (рулон ткани). По сожжении останков всем собравшимся рассказали, что при жизни Гунаварман

написал тридцать гатх и вручил ученикам с наставлением: «Пошлите это монахам Индии».

Тяжкое возмездие

Бхишунни Ши Чжи-тун состояла при столичном монастыре Цзяньцзинсы. Она была молода и привлекательна, веровала неискренне. В девятом году под девизом правления Юань-цзя (433) умер ее наставник, и она отступила от праведного пути: вышла замуж за Лян Цюньпу из округа Вэй-цзюнь. Чжи-тун родила мальчика. Мальчику было семь лет, а семье по бедности не из чего было сшить ему платье. В бытность монахиней у Чжи-тун было несколько шелковых свитков сутр *Амитабха* и *Лотосовой*. Из этих свитков она скроила сыну платье. Прошел год, и Чжи-тун заболела. Ее бил озноб и сводила судорога. Тело покрылось язвами, какие бывают при ожогах, да еще с мельчайшими белыми червячками. День за днем болезнь сжигала ее, а муки становились все нестерпимее. Чжи-тун стонала день и ночь. И тогда, неведомо откуда, прозвучали слова:

— Ты извела сутры на платье! Так прими же это тяжкое возмездие!

С последними словами Чжи-тун скончалась.

Чудесное рождение

Ван Лянь, по прозвищу Сюаньмин, был уроженцем округа Ланье, занимал пост при дворе династии Сун. Его отец Ван Минь, по прозвищу Лиянь, был начальником канцелярии при династии Цзинь. Отец водил знакомство с индусом-шрамана. Тот поражался изысканной внешности Миня, благоговел перед ним. Он говорил своим ученикам:

— Если в ближайшем перерождении я удостоюсь быть сыном этого человека, считайте, что мое последнее желание исполнено.

Минь узнал об этом и усмехнулся:

— Подобаает ли закононаставнику с такими способностями и заслугами быть сыном своего ученика?!

Вскоре шрамана заболел и умер. А по прошествии года родился мальчик. Он стал понимать чужеземную речь, как только заговорил, знал названия диковинных драгоценностей, привезенных из дальних стран, серебряной утвари, жемчуга, раковин, прежде им не виденных. Знал он и откуда они доставлены. Еще в нем от природы была заложена родственная любовь ко всем индусам и вера в их превосходство над китайцами. Люди поговаривали, что он был шрамана в пре-

дыдущем перерождении. Потому-то отец и дал ему имя Алян-Аранья, которое он впоследствии прославил.

Вэньбо-святотатец

Тан Вэньбо был уроженцем Ганьюй, что в Дунхай. Его младший брат любил азартные игры и промотал все семейное состояние. У них в деревне был монастырь. Кто ни пройдет мимо монастыря, непременно оставит монетку Будде. Брат не однажды крал эти монетки. Так продолжалось долгое время, а потом он заболел проказой. Гадатель сказал на это:

— Верните те деньги, что вы украли у Будды!

Вэньбо пришел в ярость и воскликнул:

— Если Будда воистину божество, то мои дети вернут ему все сполна! А я попробую еще раз его ограбить. Посмотрим, сможет ли он на меня наслать болезнь?!

Незадолго до того жена начальника уезда Хэ Синьчжи поднесла в дар монастырю четыре куска ткани для драгоценного полога. Вэньбо украл эту ткань и сделал себе из нее пояс. Не прошло и ста дней, как его охватил злой недуг. У него на теле как раз на том месте, где он носил пояс, стали открываться язвы. Было это в первые годы правления под девизом Юань-цзя (424—453).

Шрамана Шань Дао-кай

Шрамана Шань, по прозванию Дао-кай, был неизвестно откуда родом. В его отдельной биографии говорится, что он происходил из Дуньхуана, родом из семьи Мэн. Дао-кай в молодости ушел от мира, желая уединиться где-нибудь в пещере на высокой скале. Поэтому он заранее приучил себя обходиться без злаков. Сначала Дао-кай питался пшеничной мукой, через три года перешел исключительно на сосновую смолу, а через тридцать лет глотал лишь маленькие камушки. Он отказывал себе в вине, сушеных овощах и фруктах. Когда его донимал ледяной ветер, он жевал горный перец. Силы понемногу оставляли его, кожа становилась глянцевою, а поступь невесомой. Горные божества несколько раз испытывали его, но так ничего и не добились. К нему навещались горные отшельники, но, избегая их общества, Дао-кай глотал чеснок, дабы отпугнуть их. Сидя недвижно, предавался он самосозерцанию, дни и ночи напролет не ведая сна.

Дао-кай долгое время обитал в Баохань. Во втором году правления Ши Ху (333—349) под девизом Цзянь-у (337) Дао-кай, направляясь в Сипин, прибыл в град Е. Не в эки-

паже или в лодке, а пешком он проходил за день более семисот *ли*. Проходя Наньань, он обратил в веру и произвел в послушники мальчика лет тринадцати-четырнадцати. В пути тот еле поспевал за Дао-каем.

По прибытии на место Дао-кай остановился на жительство в буддийском храме Чжаодэ. Он ходил в груботканом рубище, со спины весь голый. В помещении монастыря он соорудил шатер высотой в восемь-девять *чи*, навесил на него шелковый полог и украсил орхидеями. В этом шатре он предавался самосозерцанию. В продолжение семи лет он отказывался от злаков, пользовался разного рода снадобьями с запахом сосновой смолы или лекарственного гриба. Дао-кай превосходно лечил глазные болезни. Он обошел грады и веси, повсюду излечивая простой люд. Высшая знать из близких и далеких мест присылала ему множество даров. Дао-кай принимал их и раздавал бедным, не оставляя себе ни толики.

К концу правления Ши Ху, предвидя последовавшие затем распри, Дао-кай с учениками ушел на юг в Сюйчан. В третьем году под девизом правления Шэн-пин (360) Дао-кай пришел сначала в Цзянье, а затем перебрался в Паньюй, гора Лоуфушань. Он ночевал под сенью деревьев в лесной чащобе, обретя радость в одиночестве.

В седьмом месяце того же года Дао-кай умер. Он завещал упокоить тело в лесу, не предав земле, и ученики все исполнили. В первом году под девизом правления Син-нин (363) наместником в Наньхай стал Юань Яньбо. Вместе со своим сыном Иншу он взошел на гору Лоуфушань и почтил прах Дао-кай. Они воскурили благовония и совершили ритуал поклонения.

Амитабха на Млечном пути

Гэ Цзичжи был уроженцем Цзюйжуна, потомком Чжичуаня. Его жена происходила из рода Цзи — уроженцев того же округа. Она была преисполнена благочиния и высочайшей супружеской добродетели. В семье Гэ почитали учение даосов-бессмертных, госпожа Цзи — тоже. Однако в душе она лелеяла закон Будды, таила в себе веру и не изменяла ей.

В тринадцатом году под девизом правления Юань-цзя (437) госпожа Цзи как-то раз сидела за ткацким станком. И вдруг солнце и облака заблестали, воздух стал чистым и прозрачным. Госпожа отложила челнок, подняла голову и огляделась по сторонам. На западе она увидела истинносуший образ Так Пришедшего — Амитабхи под драгоценным балдахинном и среди хоругвей, заслонявших Млечный путь.

— Не тот ли это будда Амитабха, о котором говорят сутры?! — воскликнула она, ощутив на сердце радость, и стала кланяться. Цзичжи все это увидел, встал и подошел к жене. Госпожа Цзи рукой указала ему в сторону будды. Цзичжи посмотрел вверх и увидел Будду в полтуловища под балдахинном и среди хоругвей. Внезапно темная пелена спала. Облака и солнце заиграли яркими красками в сиянии пятицветия. Многие соседи и родственники Цзичжи лицезрели сей образ. Несколько раз появлялся он ненадолго, а затем исчез. Многие селяне стали с тех пор исповедовать Закон.

Воздаяние Чжицзуна

Хуань Чжицзун был уроженцем Хэдуна. В шестнадцатом году под девизом правления Юань-цзя (439) он был в округе Чжунли при окружном наместнике Жуань Ине. Жуань Инь вместе с Чжицзуном прибыл в глухую деревню. Их сопровождал окружной чиновник по тайному надзору Бянь Дин. Они пришли к людям, которые как бы заснули, да так и не могут проснуться. Люди эти считались мертвыми. Всем скопом они высыпали за ворота и уложили Чжицзуна в гроб. По прошествии ночи он мог говорить.

Чжицзун рассказал, что вначале появилось более ста человек. Они связали Чжицзуна и увели. Пройдя несколько десятков *ли*, они пришли к буддийской обители, при которой состояли монахи, совсем такие же, как на земле. Один из них сказал Чжицзуну:

— Ты любишь половить рыбу, и тебе за это воздастся!

Сейчас же с Чжицзуна содрали кожу, срезали мясо, разделали труп, как если бы это было животное — дикое или домашнее. Затем его опускали в прозрачную воду и крючками за рот вытаскивали, разрезали ножом на части, мелко разделявали, а потом варили и жарили в большом котле. Сначала его кромсали, а затем возвращали в прежний вид; мучения при этом он испытывал поистине жесточайшие. Он трижды принял муки, а потом его спросили, не хочет ли он жить. Чжицзун кланялся праведникам в ноги и умолял вернуть ему жизнь. Праведники усадили его на землю и стали поливать водой, приговаривая:

— Один полив смывает пять сотен преступлений.

Чжицзун настойчиво просил полить его побольше, но ему отказали:

— Три раза достаточно.

Они увидели несколько муравьишек, и праведник молвил, указывая на них:

— Это хотя и ничтожные насекомые, но и их убивать нельзя! Они ничем не отличаются от тех, что велики размером. Только когда рыба сама гибнет, можно ее есть! В дни постов всем надлежит надевать новую одежду. Когда же ее нет, то следует выстирать старую!

— Мы путешествовали втроем. Почему же меня одного подвергли мучениям? — спросил Чжицзун.

— Те двое сами ведают о преступлении и благодеянии, знают, за что будут наказаны. Ты один глух и слеп, не помышляешь о воздаянии. Потому тебя и покарали, — ответил праведник.

Чжицзун сразу же ожил, но несколько дней не мог подняться. Впредь он не ловил рыбу.

Грехопадение монаха

Шрамана Дао-чжи был монахом монастыря Бэйдобаосы. Сангха назначила его хранителем монастырской ступы, а он тайком крал пологи, балдахины, драгоценности и украшения. Наворовал он очень много, а потом еще выкрал жемчужины из брови Будды. Затем он проделал отверстие в стене, дабы свалить пропажу на грабителей со стороны. Потому сангха и не смогла его уличить. По прошествии десяти дней Дао-чжи заболел: ему стало являться чудище, вонзающее в него копьё. Чудище то уходило, то возвращалось, и каждый его приход сопровождался истошными воплями исходящего кровью Дао-чжи. Вначале такое случалось раз-два на дню, а затем болезнь ужесточилась. Чудище с копьём стало приходить часто: все тело Дао-чжи покрылось ранами. Монастырская братия заподозрила, что у Дао-чжи были преступления и пожелала принять от него покаяние. Тот поначалу отмалчивался, но вот прошли два, а затем три дня, и он во всем признался. Рыдая, он умолял братию:

— Я, глупец, заблуждался, когда уверял себя в том, что меня минует скверна ада! Потеряв бдительность, я совершил преступление и навлек на себя беды и страдания. При жизни меня подвергли истязанию, а после смерти путы, мечи и котел доконают меня! Уповаю только на ваше сострадание! После меня ничего не останется. Лишь одежда да войлочные тапочки. Этого будет достаточно для устройства монашеского собрания, на котором прошу вас каяться и молить за меня. Я украл две жемчужины со статуи Будды. Одна принадлежит теперь моей матушке, и вернуть ее невозможно. Другую я отдал в залог в семью Чэнь Чжао. Ее можно выкупить.

Когда Дао-чжи умер, монахи сообща собрали деньги и выкупили жемчужину. Они устроили пост с покаяниями. Когда мастер принялся устанавливать жемчужину на преж-

нее место, ему это не удалось, как ни крутил он ее, как ни прилаживал. Монахи снова совершили поклонение Будде и воскурили благовония, и тогда жемчужина стала на место.

Через год товарищи Дао-чжи слышали в темной ночи какие-то звуки. Они прислушались и узнали голос Дао-чжи.

— После смерти мне были уготованы тяжкие муки! Близится завершение кальпы, а я так и не избавлюсь от мук ада! Благодаря вашему заступничеству и покровительству, а также тому, что вы выкупили жемчужину, меня отпустили на время. Я на себе ощутил, как беспредельно ваше милосердие, и пришел вас благодарить, — закончил на этом Дао-чжи.

Когда Дао-чжи говорил, в воздухе витал тошнотворный запах гнилого мяса, подтверждавший, сколь тяжкие муки он претерпевает. И еще долго стоял этот запах, прежде чем исчезнуть.

Эти события происходили в последний год под девизом правления Тай-ши (471). Летописцы монастыря во всех подробностях расписали его.

Семь перерождений Цинцзяня

О том, из каких мест родом Дун Цинцзянь, неизвестно. Его отца звали Сяньмин; в первые годы под девизом правления Цзянь-юань (479—482) он служил начальником легкой кавалерии. Когда мать Цинцзяня госпожа Цзун была беременна, ей приснился человек и сказал так:

— Ты непременно родишь мальчика. На теле у него будет синее родимое пятно, и назвать его нужно будет Цинцзянь (Представший с родимым пятном).

Родился мальчик точь-в-точь, как было предсказано, и его так и назвали. Мальчик был мил, прекрасно говорил и смеялся. Он был от природы мягок и податлив. Родителям не случалось видеть его недовольным, а все, с кем он общался, были от него в восторге. В четырнадцать лет он вступил в должность главного делопроизводителя при областном наместнике. В первые годы под девизом правления Цзянь-юань (479—482) наследник престола усмирил земли Фань и Хань и произвел Цинцзяня в должность советника по водному ведомству. В шестнадцатый день седьмого месяца второго года под девизом правления Цзянь-юань Цинцзянь захворал и слег. Он понял, что ему уже ничто не поможет. На восемнадцатый день в приближении смерти он присел на постель и так сказал своей матери:

— Близятся к концу мои мучения, и грядет счастливая пора! Настает вечный предел моей жизни! Я желал бы, чтобы Вы, матушка, не печалились, расставаясь со мной!

Цинцзянь семикратно громко разрыдался, а когда стих, его жизнь оборвалась. В ночь перед тем, как родные собирались неподалеку от дома предать тело земле, из гроба раздался голос:

— Пути живых и мертвых расходятся! Так не смейте же помещать гроб близ жилища! Придет праведник, сотворивший статую Будды, и укажет место погребения!

На следующий день действительно пришел праведник, назвавшийся Тань-шунем. Как и повелел гробовой голос, родные обратились к нему за разъяснениями. Тот представился:

— Я, бедный праведник, живу в монастыре Наньлиньсы. Я заканчиваю статую Будды высотой в восемь *чжанов*. Ваш сын получил о том благою весть. К западу от монастыря есть небольшой пустующий участок земли. Можно будет совершить там погребение.

Тогда Цинцзяня захоронили неподалеку от монастыря. Через три дня мать и с десяток родственников пришли на могилу принести жертвы. К востоку от могилы они увидели Цинцзяня такого же, как при жизни.

— Я прошу Вас, матушка, не горевать более и вернуться домой. Я вернулся с того света и живу в этом монастыре, — сказал он.

Мать уняла рыдания и вернулась домой. Вся семья совершила долгий пост, питаясь только растительной пищей. В одиннадцатый день добавочного месяца високосного года отец увидел во сне Цинцзяня, и тот сказал ему:

— Я прошу Вас, батюшка, перейти в восточную комнату.

Сяньмин совершил омовение благовонной горячей водой и перебрался в восточную комнату. В четырнадцатую ночь месяца он услышал зов сына, тотчас встал и вышел во двор. У входа стоял нисколько не изменившийся Цинцзянь.

— Где ты живешь? — спросил его отец.

— С наступления смерти я живу во дворце, где обучаются божества, а по истечении ста дней должен буду переродиться на небесах Трайястримшас. Мне невыносимо было видеть, как Вы, отец, мать и братья, скорбите и убиваетесь по мне. Тридцать семь дней я отбивал поклоны буддам и бодхисаттвам, упрашивал Четырех Сыновей Неба (небесные правители четырех сторон света), и мне было позволено на время вернуться к вам. Я хотел бы, чтобы отныне Вы, батюшка, и матушка не оплакивали меня и не приносили жертвы на моей могиле. Желание матушки увидеться со мной скоро исполнится. Пройдет немного времени, она уйдет из жизни и переродится там же, где и я. Вам, батюшка, отмерен судьбой срок в семьдесят три года. По его истечении Вам придется три года подвергаться карающему возмездию.

Избежать возмездия можно только посредством истового радения на религиозном поприще,— наставлял Цинцзянь.

— Ты пришел ночью, а отчего же тогда так светло? — спросил отец.

— Вместе со мной сошли на землю бодхисаттвы и небожители. Это они излучают свет, — отвечал сын.

И еще отец спросил:

— Ты встретился на небесах с кем-нибудь из знакомых?

— Я встретился с конником Ваном, Чжаном из Усина и дедом по материнской линии Цзуном из Сихэ, — ответил Цинцзянь, а затем продолжил:

— Я рождался не только в Вашей семье. В течение сорока семи лет по сию пору я умирал и рождался семь раз. Только в этом рождении я наконец обрел конечный четвертый плод (архат) на пути в нирвану. Прежде я дал семь обетов по собственному желанию родиться среди людей. Потому я и прошел через рождения и смерти. Отныне перерождениям положен вечный предел. Я освободился от семи мучений. Когда настала моя последняя смерть, предо мной прошли все предшествующие перерождения. И потому я семь раз громко разрыдался, расставаясь с Вашей семьей.

— В каких семьях ты рождался? — спросил отец.

— В семьях Цзяна, служившего по министерству чинов, Яна из Гуанчжоу, Чжана из Усина, Вана, служившего в кавалерии, Сяо из Усина, слуги Ляна и, наконец, Дуна, служащего начальником легкой кавалерии, — отвечал Цинцзянь. — Лишь это последнее перерождение длилось семнадцать лет. Остальные — три-пять или немногим более. Все эти долгие годы я подвергался пагубному влиянию, но неустанно преумножал религиозные заслуги. Я видел, как люди из этого мира после смерти низвергаются в три скверны. Возрождающихся на небе совсем немного. Только посредством религиозного совершенствования возможно обрести избавление от страданий! Я дал обет, родившись на небе, встретиться с Вами! Если этого не случится на небе, я встречу с Вами, где бы то ни было!

И еще отец спросил:

— Твоя мать истосковалась по тебе. Теперь она при смерти. Быть может, ты повидаетесь с ней?

— Лучше этого не делать. Не будем беречь её душу. Однако Вы, батюшка, передайте ей то, о чем мы говорили с Вами. Однако небожители уже уходят! Мне не позволено здесь долго находиться, — сказал Цинцзянь, и вид его при этом был печален. Вдруг его не стало.

После его ухода ближняя бамбуковая роща благоухала ароматом, и все семейство наслаждалось им.

Имена глав семейств, в которых рождался прежде Цин-

цзянь, следующие: Цзян Чжань, Ян Си, Чжан Юн, Ван Сюаньмо, Сяо Хуэймин, Лян Цифу.

Сяньмин вскоре ушел в монахи и принял в монашестве имя Фа-цзан.

Подвиг монаха

В годы правления под девизом Юн-мин (483—493) в городе Янду в монастыре Гаоцзосы жил монах Ши Хуэй-цзин. В детские годы он был бойким и общительным мальчиком; в четырнадцать лет на него внезапно снизошло просветление, и он ушел в монахи. Он питался только растительной пищей и носил грубую одежду.

Хуэй-цзин торжественно поклялся неустанно и с полным тщанием читать *Сутру цветка Учения*, невзирая на болезни, держать свиток в руках. Тогда же он дал обет собрать сутру в сто разделов и тем самым преодолеть кармическую преграду. Вначале он собрал сутру из тысячи шестисот отрывков. К Хуэй-цзину заявили разбойники и стали искать, чем бы поживиться. Хуэй-цзин показал им деньги, отложенные на сутру. Те растрогались и ушли восвояси.

После того как Хуэй-цзин создал сутру в сто разделов, его болезни отступили. Приступив к чтению созданной им сутры, он ощутил, что его желания в этой жизни полностью удовлетворены, а последующее чтение сутры способствует рождению в райской земле Сукхавати. И тогда он услышал неведомо откуда:

— Твое желание уже исполнено! Ты удостоился там переродиться!

Хуэй-цзин умер, хотя и был в полном здравии. Было ему восемьдесят с лишним лет.

Неведомое существо

Шрамана Ань Фа-кай был уроженцем Севера. Однажды он видел, как с крыши дома упало на землю, ползало и извивалось, а затем исчезло неведомое существо в три *чи*.

ПОУЧИТЕЛЬНЫЕ РАССКАЗЫ

Сборник небольших назидательных рассказов на монгольском языке о добродетельных тибетских монахах хранится в библиотеке восточного факультета Санкт-Петербургского